

Цивилизация муравьев и омаров

Фестиваль Паоло Солери в Риме

Коммеморация - 2005 - 21 дек. - с. 21.

ВЫСТАВКА архитектура

В Риме в трех музеях (палаццо Фонтана Треви, музее современного искусства МАХХИ и ДOME архитекторов) проходят выставки, посвященные творчеству великого итальянского архитектора Паоло Солери. На посмертном фестивале Солери побывал ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

В 2000 году на биеннале в Венеции Паоло Солери получал «Золотого льва» за заслуги, вручал его Массимилиано Фукас, говоривший весьма пафосные слова о последнем великом модернисте, архитектура которого полна социальной значимости. Через год Солери умер восьмидесяти трех лет от роду.

Графическое его наследие колоссально — это более четырех тысяч листов, точнее, свитков шириной в метр, длиной иногда метров в двадцать. Он разворачивал рулоны бумаги и рисовал на них архитектурные проекты, больше похожие на фрески, чем на чертежи. Эти фрески оказали такое интеллектуальное влияние на итальянскую архитектуру, что три институции за три года так и не смогли сформировать одну выставку. Вместо этого сделали три разных, хотя кажутся, что это все же одна, разделенная на множество залов, и просто свиток, начавшийся около фонтана Треви, через два квартала продолжается в римском ДOME архитекторов у Академии художеств.

В вестибюле палаццо Треви располагается огромный экран, на котором непрерывно крутят фильм про Паоло Солери. Он рассказывает о своей работе, стоя во дворе своего дома в Аризоне (он эмигрировал из Италии в Америку в 1946 году). Солери в момент съемок — лет семьдесят, он практически голый, одет в короткие шорты и вьетнамки, жарит солнце, он показывает то на камень, то на песок двора, то на солнце. Произносит он что-то вроде «Все мы — дети солнца» и очень похож на послевоенные съемки Пикассо, когда тот в шортах и сандалиях ходил по Лазурному берегу Франции и в таком виде боролся за мир.

Есть особый стиль послевоенных пророков модернизма — сухих, спортивных, чисто выбритых стариков, фотографирующихся голыми в своих патио. Так что от фотографии одновременно веет чрезвычайной близостью к природе и миллионами, которые стоит эта близость — эти патио, бассейны, вода со льдом на стеклянном столе, стоящая на солнцепеке, виноградник или плющ на мраморной стене. Время от времени надевают тысячедолларовые костюмы, бабочки, садятся в лимузины и выезжают в столицы для чтения публичных лекций об экологии, загнивающем капитализме, искусстве и свободе, предназначении человека и борьбе за мир. В 70-е эти старики постепенно уходят, их сменяют нечесаные бородатые личности в камуфляже и беретах Че Гевары, а в 50–60-е их еще много. И все они обладают фантастической харизмой, так что слушаешь их и веришь, что да, действительно, надо быть поближе к природе и подальше от загнивающего капитализма.

В Италии пророков-модернистов из 20-х годов нет (классический авангардизм осложнился связью с фашизмом, довоенных модернистов здесь не чтут) — Солери первый исполнитель этой партии. Сразу после войны он уехал в Америку, учился у Фрэнка Ллойда Райта, в 1951 году натурализовался в США. Он делал проекты пятьдесят лет, и кажется, что всегда — от первого проекта особняка в Аризоне до гигантского утопического города Меза — один и тот же. Архитектура его произрастает из двух источников.

С одной стороны, он архитектор-урбанист, то есть его интересует не отдельное здание, а город. В 60-е сразу несколько групп модернистов пришли к выводу, что нужно проектировать не дома, а города, — группа «Аркигрэм» в Англии, группа «метаболитов» в Японии, группа НЭР в России — Солери из той же волны. Идея, вдохновлявшая волну, — динамический город, город, который живет как живой организм, отбрасывая ненужные клетки и выращивая новые. Здание, с точки зрения этих архитекторов, не произведение искусства, должно простоять веками, но материальное образование, быстро стремящееся к тому, чтобы стать ненужным мусором, задача проектирования — сделать процесс мусороудаления (сноса) максимально рациональным.

С другой стороны — он архитектор-органист. Он считал неправильным, что архитектура развивается как-то непохоже на природу, что есть стойки и балки, прямые стены и потолки. Он пытался придумать архитектуру, которая будет расти как живой организм, и в результате пришел к идее железобетона, ведущего себя как хитин у насекомых. Этот железобетон растет оболочками и трубками, иногда образует складки жесткости, чтобы не ломаться, и не знает никакой автономности отдельного здания, один дом перерастает в другой. Отчасти походит на пчелиные соты, но более высокоструктурировано: есть центр, периферия, уровни, слои. Город растет как некий хитиновый организм, гипертаракан или омар. Естественно, люди живут в нем одним братским коммунистическим организмом и борются за мир (один из его впечатляющих проектов — Дворец мира).

Ну вот, вместе эти две идеи называются «аркология» (архитектура и экология в одном флаконе). Время от времени части этого таракана умирают, достраиваются новые, и это самодвижение строительной материи и есть новый город. Солери проектировал его то для Аризонской пустыни, то для Марса, то для Политехнического института в Турине, нигде ничего не построено. Есть только керамическая фабрика в Амальфи, часть большого проекта. Выглядит занятно, похоже немного на строения американских индейцев, немного на Зураба Церетели.

Но проекты — потрясающей красоты. Когда думаешь, что вот он, голый, на солнцепеке бесконечно рисовал эти гигантские бумажные фрески, плодил эти складки и оболочки, и они, собственно, у него в голове рождались и умирали, превратившись в динамический проект длиной в жизнь, то понимаешь, что в его сознании прожила и умерла целая вселенная. И понятно, откуда такая харизма. Непонятно другое.

Эти европейские гении модернизма потратили свою чудовищную силу и талант на то, чтобы привить Европе какие-то посторонние ей вселенные — американских индейцев, африканских негров, советского коллективизма, цивилизации муравьев и пчел. Вся послевоенная культура Европы занята поисками и импортированием в культуру того, что не она, что ей — чужое. И не нашлось ни одного мастера, который прививал бы Европе саму Европу, где главное в архитектуре — красота, эстетическое качество, где Акрополь или Нотр-Дам строят не для того, чтобы они завтра стали мусором, а чтобы они простояли века, где семидесятилетний учитель жизни редко ходит голым, где вообще было много всего интересного. Казалось бы, Италия, сердце европейской классики — и поклонение коллективному хитиновому организму в аризонской пустыне. Странно, правда?